

31 окт. — 8 нояб. — с. 17.

Русский путь к пульту, или Авантюра Оливера Ведера

Недавно в театре оперы и балета петербургской консерватории состоялась премьера оперы Пуччини «Богема» на русском языке. За пультом стоял музыкальный руководитель театра, 33-летний немецкий дирижер Оливер Ведер, который живет и работает в Петербурге.

Когда он учился в высшей музыкальной школе во Франкфурте-на-Майне, между этой школой и петербургской консерваторией зародились партнерские отношения. Был обмен студентами, и Оливер Вебер на шесть месяцев отправился в Петербург.

Шел 1992-й год. Время это было не из легких: очереди, пустые полки в магазинах. Как и русские студенты, он получал очень маленькую стипендию от консерватории, но, добавляя каждый месяц какие-то деньги из своего кармана, мог даже покупать продукты на рынке и жил вполне беззаботно. Правда, в общежитии было шумно, неуютно. А если утром первым приходилось спускаться в ванную комнату и включать свет, надо было зажмуриться: по углам разбегались крысы...

Но все же бытовые неудобства стоило перенести ради главного. Занятия в консерватории у Ильи Мусина и Владислава Чернушенко были настолько интересными, что он быстро понял: это большая удача и отличный шанс для молодого музыканта, так как уровень образования здесь гораздо выше, чем во многих высших музыкальных школах Германии.

Вернувшись домой, Оливер Ведер дирижировал симфоническим оркестром в маленьком городке под Франкфуртом-на-Майне. Как-то на гастроли в Германию приехал Пермский оперный театр. Он встретился с руководителем этого театра и получил неожиданное предложение: попробуйте продирижировать у нас один спектакль, и в зависимости от результата поговорим о месте стажера или ассистента, а может, даже и дирижера.

— Наверное, это была авантюра с моей стороны, но согласился сразу же, — рассказывает он. — Ведь это один из самых старых и крупных оперных театров России. А я всегда мечтал работать с оперой, очень люблю оперный репертуар. Однако у нас в Германии путь к опере для молодого музыканта более сложен. Надо несколько лет работать пианистом-аккомпаниатором, потом (может быть!) стать вторым «капель-маэстро», еще через несколько лет — наконец первым, потом — главным, и только тогда мечта осуществится. А для художника 10-15 лет ожидания — вещь опасная. В этом смысле русский путь к пульту гораздо разумнее и свободнее.

В Перми шло около 30 спектаклей в месяц, каждый сезон — 15 балетов и 24 оперы. Ничего подобного на Западе давно уже нет, поэтому для меня это была фантастическая школа. За два года я отдирижировал восемь балетов и пятнадцать операми! В первом же сезоне — «Тоска», «Кармен», «Отелло», «Онегин», «Царская невеста». У нас это репертуар только главного дирижера. И чтобы сделать то, что удалось сделать в русской провинции, надо как минимум лет шесть занимать руководящую должность. А тут главный дирижер сам отдавал свой репертуар, потом разбирал мою работу, что-то советовал...

Каждый вечер я наслаждался прекрасными голосами российских певцов.

Еще не так давно Пермь была закрыта для иностранцев, поэтому обыватели смотрели на него как на диковинку. Среди его коллег никто не говорил ни на немецком, ни на английском, и Оливер Ведер несколько месяцев подряд по 4 часа в день учил русский язык... Приходилось решать и бытовые проблемы, особенно когда из Германии приехала жена с маленьким сыном. И все-таки это было счастливое время: друзья всегда приходили на помощь, в выходные вместе ездили на дачу, на рыбалку, топили русскую баню в деревне.

На второй год работы дирижеру дали возможность осуществить собственную постановку — «Летучий голландец» Вагнера. Спектакль привлек внимание критиков не только из Москвы и Петербурга, но и из Германии. Вскоре после этого Владислав Чернушенко предложил О.Ведеру место дирижера в театре петербургской консерватории. Конечно, оказаться в городе, где на разных площадках каждый вечер играют симфонические и оперные оркестры, куда

на гастроли приезжают самые знаменитые дирижеры и солисты, для молодого музыканта было весьма заманчиво, и он согласился.

Через год Оливер Ведер стал музыкальным руководителем петербургского театра, исполняющим обязанности главного дирижера. Этой осенью начался только его третий сезон, но уже поставлены оперы «Обручение в монастыре» Прокофьева и «Так поступают все женщины» Моцарта, впервые за много лет оркестр этого театра сыграл пять больших симфонических концертов (кстати, он был реорганизован, и квалификация музыкантов здесь теперь гораздо выше). Работы много, однако молодого дирижера огорчает, что нет возможности делать больше одной-двух оперных премьер в год. Он мечтает, например, познакомить публику с оперой какого-нибудь неизвестного русского композитора:

— В театрах идет только классический репертуар. Никто не возьмет на себя смелость показать сочинение давно забытого или современного автора. Во-первых, стараются сохранить традицию старого репертуара, во-вторых, считаются со зрителем, который хочет видеть то, что любит и знает, а иначе может не прийти на спектакль. И все-таки жаль... В Германии, правда, другая крайность: после студенческих волнений 1968 года, когда напроочь отвергалось все старое, «буржуазное», и приветствовалось новое, необычное, у нас умерла оперетта и классический балет.

Нынешний сезон — не из легких: как известно, ситуация всех государственных театров резко ухудшилась. Сокращено финансирование, не выплачивается заработная плата...

— Конечно, меня это тоже касается, — говорит дирижер, — Хотя у меня два контракта (один в театре, другой в консерватории, где я преподаю), все равно это немного, учитывая, что мы с семьей вынуждены снимать квартиру в центре. И если бы не было гастролей за границей (они дают возможность заработать), эта авантюра давно бы провалилась.

В театре положение крайне сложное: нет денег на костюмы и декорации для новых постановок. Поэтому планируется пока только концертное исполнение — например, «Проданная невеста» Сметаны, «Реквием» Верди, «Испанский час» Равеля. Консерватория тоже переживает не лучшие времена. Думаю, политика, которая сейчас сложилась: принимать все больше и больше платных иностранных студентов вместо русских, — весьма опасна. Многие иностранцы едут сюда, услышав, что Мусин — последний мастер дирижерской педагогики в мире. Но приезжают, увы, не самые лучшие.

Я не понимаю, почему государство бросает на произвол судьбы самое ценное, что имеет, — собственную культуру? Меня поражают и люди, которые спокойно ходят на работу, не получая зарплаты. Действительно, есть она, загадочная русская душа. В Германии все давно бы вышли на улицы, сменили бы правительство, а тут говорят: ну да, не платят, а что делать?

Один из певцов рассказал мрачноватый анекдот. На фабрике вдвое урезали зарплату, а народ ходит на работу. Совсем перестали платить — все равно ходят. Тогда директор объявил вход на фабрику платным...

Музыканты здесь играют не из-за денег. Они годы вкладывали в свой инструмент, жили этим, и ничего другого делать не умеют. Они самозабвенно любят музыку, театр, и когда им не платят — что делать, если в этом их жизнь?

Мне нравится работать с самим оркестром. Хотя иногда это неплохое испытание хваленной немецкой точности и выдержки, когда ты имеешь дело с людьми, которые то опаздывают, то не приготовились к работе или пришли не в настроении... Они очень эмоциональны. Друзья здесь как нигде откровенны друг с другом, и мне это близко.

Не скажу, что я тут как дома, но уже и не гость: переживаю, если что-то не так, радуюсь удачам. Просто это мой театр...

ИЛЬМИРА СТЕПАНОВА

Санкт-Петербург